

Чингиз АБДУЛЛАЕВ

ФУТБОЛ КАК ПРЕДВЕСТНИК ВОЙНЫ

ДОПУСТИМЫЙ УЩЕРБ

Чингиз Абдуллаев
Допустимый ущерб

«PEN-клуб»

2014

Абдуллаев Ч. А.

Допустимый ущерб / Ч. А. Абдуллаев — «PEN-клуб», 2014

Недалеко от центральной площади Алеппо отряд сирийских военнослужащих наткнулся на тяжело раненного мужчину, который повторял, как в бреду: «Джихад... Москва... чемпионат... хадж...» Солдаты не обратили внимания на слова умирающего, а вот израильский разведчик, который был внедрен в отряд, обратил. Через несколько дней сотрудники Службы военной разведки Израиля передали российским коллегам информацию о готовящемся в Москве грандиозном теракте. Где и когда прогремит взрыв – неизвестно. Известно только, что террористическая атака будет каким-то образом связана с чемпионатом мира по футболу 2018 года...

© Абдуллаев Ч. А., 2014

© PEN-клуб, 2014

Содержание

Пролог	6
Глава 1	8
Интерлюдия	13
Глава 2	16
Интерлюдия	23
Глава 3	28
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Чингиз Абдуллаев

Допустимый ущерб

© Абдуллаев Ч.А., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Миром правит произвол, справедливость бывает только на сцене.
Фридрих Шиллер

Истинное поклонение состоит не в том, чтобы бесконечно повторять молитвы и много поститься, а в том, чтобы занимать свой разум постоянным размышлением о божественном.
Имам Аскари

*А в общем-то – какие пустяки!
Всего лишь – тридцать тысяч гугенотов.*
Белла Ахмадулина

Пролог

Рядом с Алеппо вот уже несколько месяцев шли затяжные бои без особого успеха для воюющих сторон. Противники уже осознали, что победить невозможно, любое наступление приведет к еще большим жертвам, а отход будет выглядеть поражением.

Поэтому правительственные войска делали вид, что усердно выбивают боевиков из кварталов, занятых ими. Оппозиционеры тоже делали вид, что ожесточенно сопротивляются.

Командиры получали снаряды, новое оружие и деньги на вербовку добровольцев. Именно поэтому все они были лично заинтересованы в затягивании этого противостояния.

Иногда к каждой из сторон подходило небольшое подкрепление. Но общий баланс сил не особенно менялся. Только время от времени, примерно раз в месяц, те или другие устраивали интенсивную артиллерийскую канонаду, обстреливали противника и расходовали свои запасы снарядов.

Бои шли в основном за шоссе, ведущее к Алеппо, и северную часть города. В районе Лирамуна располагались оппозиционеры. Их отряды возглавляли боевики, прибывшие сюда из Катара и Саудовской Аравии.

Захру контролировали правительственные войска. Им помогали боевики «Хезболлы», окопавшиеся в соседнем районе Халеб аль-Джедад.

Постороннему человеку, непосвященному европейцу или американцу все это могло показаться сплошной абракадаброй, но на Востоке, а особенно на Арабском, все понимали, кто и за кого воюет. А самое главное – почему.

Секта алавитов, традиционно правящая в Сирии, насчитывает всего шестнадцать процентов от общего населения государства. «Хезболла» является шиитской организацией, которую поддерживал и финансировал Иран.

Противниками президента Сирии Башира Асада в основном являются сунниты, которые получают помощь из Катара и Саудовской Аравии.

Одним словом, противостояние, начавшееся в мусульманском мире полторы тысячи лет назад, сразу после смерти Пророка, продолжается до двадцать первого века. Оно делит мусульманский мир на непримиримых шиитов и суннитов.

Схватки в районе Захры в последние несколько дней усилились. К правительственным войскам подошел еще один отряд боевиков «Хезболлы».

Когда начался очередной артиллерийский обстрел, сразу несколько человек перебежали от одного здания к другому. Они хотели под его прикрытием прорваться к центральной площади Алеппо и неожиданно наткнулись на тяжелораненого мужчину, который пытался им что-то сказать.

– Это наш или чужой? – равнодушно спросил командир группы, глядя на умирающего человека.

– Не знаю. – Один из его людей наклонился и громко спросил: – Ты кто? Как тебя зовут? За кого ты сражаешься?

– Откуда вы пришли? – вместо ответа сумел выдавить из себя раненый.

Судя по черной крови, которая текла из раны в бок, было понятно, что он умрет буквально через несколько минут. Люди, находившиеся на войне не первый день, понимали, как опасна такая рана. Несчастному уже нельзя было помочь.

– Мы из района Халеба, – пояснил командир, тоже наклоняясь к умирающему. – Ты что-то хочешь сказать?

– Кто ты? – снова простонал раненый.

Было понятно, что он едва держится, из последних сил пытается не потерять сознание.

– Командир отряда Джераб Айхан. Кто ты такой? Что ты хочешь?

- Вы на стороне правительственных войск?
- Можно сказать и так, – подтвердил командир.
- Сообщите в посольство России. Пусть передадут. Джихад... Москва... чемпионат...

во время хаджа.

- Что он говорит? – не понял Джераб.

К ним протиснулся врач отряда, тоже наклонился к умирающему и спросил:

- Что вы хотите сказать?
- Передайте... чемпионат... хадж... Москва.
- Бормочет что-то непонятное.
- Ты сумеешь его спасти? – спросил на всякий случай Джераб.

Врач покачал головой и убежденно произнес:

- Ему уже нельзя помочь.
- Пусть назовет свое имя, – потребовал Джераб.

Врач снова наклонился к раненому. Но тот уже ничего не мог произнести, дернулся и стих.

- Все, – сказал врач. – Он умер.
- Ты понял, что он говорил? – уточнил Джераб.
- Ничего не понял. Может, он бредил?
- Наверное, – отмахнулся Джераб. – Идем дальше. Нам нужно пробиться к площади.

Командир не мог предположить, что в группе, которую он сам формировал и готовил, всех знал уже несколько лет, был и осведомитель. Два года назад его внедрила в отряд военная разведка израильского Генштаба АМАН.

Это был тот самый врач, который разговаривал сейчас с Джерабом. «Хезболла» была слишком опасным и бескомпромиссным противником Израиля, чтобы не следить за передвижениями его боевых отрядов. Если сам Джераб не обратил внимания на слова умирающего человека, то его врач послал свое донесение уже на следующий день.

Оно почти сразу попало в пятьсот четвертое подразделение АМАНа, ответственное за сбор информации агентами и осведомителями военной разведки. Затем это сообщение было передано в отдел анализа разведывательных данных. Потом информацию перепроверил контрольный департамент.

На все это ушло около двух недель. Была задействована агентура АМАНа. Только сообщение с соответствующими комментариями было передано руководителю АМАНа генерал-майору Авиву Кохави. В донесении указывалось, что данная информация представляется особо важной. Ее рекомендуется довести до сведения общей внешней разведки МОССАД и переслать в российское посольство.

На следующий день соответствующее письмо ушло в Главное разведывательное управление Генштаба России. Еще через несколько дней похожую информацию российская военная разведка получила по своим каналам из Ирана.

Очевидно, что среди боевиков Джераба был и человек, работавший на иранские спецслужбы. Может, этим занимался и сам командир отряда?..

Глава 1

Когда мне позвонили в субботу вечером, я уже поняла, что произошло нечто чрезвычайно серьезное. Мой руководитель обычно не любит дергать своих людей по пустякам, справедливо полагая, что мы и так много работаем. Но если вызывают так срочно в субботу вечером, значит, для этого есть более чем веские основания. Поэтому я поехала к нам в отдел, уже готовая к необычному и не самому приятному разговору.

Наш руководитель – полковник Микаил Алиевич Кафаров, кажется, работает в органах с самого дня рождения. Я все время пытаюсь понять, сколько ему лет. Официально – где-то под семьдесят.

По нашим правилам его давно должны отправить на пенсию, но об этом никто и не думает. Все понимают, насколько ценным сотрудником он является. Но генерала ему не дают.

Для этого требуются совсем другие качества. Нужно быть чьим-то родственником или знакомым, занимать престижную должность, уметь нравиться руководителям и вообще соответствовать общепринятым стандартам. Кафаров совсем не таков. Он говорит то, что считает нужным, не боится высказывать свое мнение любому вышестоящему лицу и чувствует себя абсолютно независимым человеком, что для офицера из нашей системы вообще нонсенс.

Но его группу терпят именно потому, что она добивается максимальных результатов.

Именно люди Кафарова вместе с некоторыми другими сотрудниками предотвратили террористические акты в Баку во время проведения «Евровидения». Позже многие узнали, какая страшная опасность грозила всему городу.

Обученные группы террористов должны были ворваться в «Хилтон» и «Марриотт», находившиеся на центральной городской площади, убить там как можно больше иностранцев и гостей, прибывших на конкурс. А в самом дворце, построенном к празднику, был спрятан гранатомет, чтобы совершить покушение на главу государства.

Эта история тогда наделала много шума. До сих пор находятся скептики, которые не верят в подобные замыслы террористов. А ведь прошлое доказывает, что для достижения успеха террористы часто придумывают абсолютно невысказанные вещи.

Какой аналитик мог предсказать крушение башен торгового центра, в которые врезались захваченные самолеты? Какое изощренное сознание нужно иметь, чтобы направить на небоскребы большие широкофюзеляжные лайнеры с женщинами и детьми! Нужно еще найти для такой операции немало смертников, готовых расстаться с собственными жизнями.

Третий самолет врезался в здание Пентагона, а вот четвертый уже не долетел. Пассажиры, сидевшие там, оказались настоящими героями. Понимая, что террористы их все равно уничтожат, они пошли на штурм кабины пилотов и погибли в результате крушения самолета. А ведь этот самый самолет должен был врезаться в здание Капитолия.

Вот такую невероятную операцию провели террористы в Америке.

Следующая, еще более невозможная, атака была подготовлена летом 2006 года. Только наличие хорошо законспирированной, заранее внедренной английской агентуры предотвратило грандиозный террористический акт. Сразу десять лайнеров должны были взорваться над Атлантикой. Террористы готовились пронести в самолеты жидкие бомбы под видом детского питания.

Можете себе представить, какие последствия имел бы подобный масштабный террористический акт! Какие трагедии могли разыграться в небе над океаном. Именно с августа того года было запрещено проносить на борт любые жидкие предметы, а пассажиров стали досматривать куда тщательнее.

Вообще проблема безопасности сейчас стоит в мире особенно остро. Вспомните, какие чудовищные акты захвата заложников произошли в России. Сначала больница в Буденновске,

потом «Норд-Ост» и, наконец, школа в Беслане, где погибло столько детей. Кажется, что просто нет предела цинизму тех, кто готов убивать ни в чем не повинных людей.

В общем, меня срочно вызвали к Микаилу Алиевичу, и я поняла, что произошло нечто экстраординарное. Он не любит дергать своих людей по пустякам.

Тем более что я работаю под прикрытием. Это самый большой секрет какой угодно спецслужбы. У любой из них есть своя агентура, штатная и внештатная, платная и бесплатная. Под прикрытием работают только особые агенты, которые числятся где-то на предприятиях или в организациях, а на самом деле получают и вторую зарплату в органах безопасности. Причем это штатные офицеры с воинскими званиями.

Вот и я, майор Кеклик Алиева, числюсь в институте литературы Академии наук Азербайджана. Даже мои родные и близкие могут поклясться, что я всю жизнь была филологом и никогда не имела никакого отношения к спецслужбам.

Правда, после развода со своим первым мужем немного занималась спортом и даже имела довольно заметные успехи. Но это еще не говорит о моей принадлежности к спецслужбам.

Рассказывают, что однажды один из министров нашего правительства, который окончил МГИМО и знал своего товарища по учебе много десятков лет, не поверил, что тот – полковник Министерства национальной безопасности. Самое смешное, что супруга его многолетнего приятеля тоже была офицером. Министр долго изумлялся, что не имел понятия о подобных вещах.

О моем звании и работе знает только мой второй супруг Ариф, который являлся офицером нашей группы. После женитьбы его перевели в другой отдел. Микаил Алиевич справедливо считает, что семейственность может мешать в нашей работе. Арифу пришлось уйти. Очевидно, делая выбор между мной и моим мужем, Кафаров решил оставить именно меня.

Хотя за Арифа немного обидно. Он всегда был очень толковым, перспективным и умным офицером, но на последней операции «засветился». Поэтому было принято решение о его переводе. Сейчас он уже подполковник, по званию – выше своей супруги, что, наверное, неплохо.

Забыла сообщить, что у меня есть еще и дочь Нармина, которая уже выросла, превратилась в не совсем управляемого подростка тринадцати лет. Теперь мне приходится терпеть ее выкрутасы. Хотя она чаще живет у моей мамы, которой бывает сложно справиться с этой юной особой.

Наши свидания с Кафаровым обычно происходят на конспиративной квартире. Я ведь не могу ездить в родное здание, которое так величественно возвышается напротив нашего Пантеона, где похоронены самые выдающиеся люди республики. Понятно, что там бывает достаточно много людей, и на меня могут сразу обратить внимание.

Я вошла в комнату. Микаил Алиевич сидел в кресле, просматривая сегодняшние газеты. Он поднял голову, снял очки. Внешне полковник похож на старого учителя. Такой добродушный вид, мясистые щеки, редкие седые волосы.

Он положил очки на столик перед собой и показал мне на второе кресло.

– Добрый вечер, – вежливо поздоровалась я, усаживаясь.

– Здравствуй, – кивнул Кафаров. – Как у тебя дома? С Арифом живете дружно?

– Мы с ним почти не видимся. – Я улыбнулась. – У него много работы. А у меня соответственно больше свободного времени. Все-таки моя трудовая деятельность в институте литературы занимает не так много времени.

– Это я знаю. У тебя почти идеальная работа для прикрытия. А как твоя дочка?

– Уже взрослая. Скоро меня догонит. Говорят, что у нее сейчас самый сложный возраст. Наверное, так и есть.

– Это точно, – проворчал Кафаров. – Девочки в таком возрасте часто бывают неуправляемыми. Я слышал, что она чаще остается у твоей мамы, чем у тебя?

Интересно, от кого он это мог слышать? Или это намек на возможную командировку? Микаил Алиевич никогда и ничего не говорит просто так. За столько лет я привыкла к такой манере разговора, хотя его парадоксальное мышление меня всегда поражает.

– Ее школа ближе к дому моей мамы, – ответила я.

Не нужно забывать, что полковник систематически проверяет всех своих людей. Иногда даже лично. Он считает, что любой человек может оказаться уязвимым, не выдержать шантажа или сложностей, возникших под давлением врага.

– Да, это правильно. – Кафаров кивнул и почти сразу спросил: – Догадываешься, почему я тебя позвал?

– Что-то случилось?

– Случилось. И не вчера, – сообщил полковник. – Несколько месяцев назад в Алеппо был найден тяжелораненый офицер службы общей разведки Сирии. Перед смертью он успел сообщить о возможном крупном террористическом акте, который должен произойти в России.

Я внимательно слушала. Пока было не совсем понятно, какое отношение сирийский офицер и возможный террористический акт в России имели к моему срочному вызову. Но я не задавала ненужных вопросов, понимая, что все равно Кафаров объяснит мне, зачем он меня вызвал. И почему начал наш разговор именно с этого погибшего офицера.

– Эти сведения попали сначала к израильтянам, а затем к русским, – продолжил Микаил Алиевич. – Те и другие достаточно тщательно проанализировали возможность угрозы.

– МОССАД и ФСБ? – с понятным уважением спросила я у своего собеседника.

«Весьма солидные организации! – мысленно отметила я, но понимала, что сейчас лучше промолчать, не вступать по каждому поводу.

– Обе организации пришли к выводу, что угроза крупного террористического акта достаточно серьезна. Но никаких других сведений получить не удалось.

– Русские и израильтяне не смогли получить информацию в Сирии? – не удержалась я. – По-моему, их разведки знают, какие сны видит Башир Асад каждую ночь и о чем он разговаривает в кровати со своей женой.

– Не нужно оттачивать на мне свое остроумие! – сухо оборвал меня Микаил Алиевич. – Я, наверное, не хуже тебя знаю возможности израильских и тем более российских спецслужб. Я все-таки много лет работал еще в КГБ. Там до сих пор остались мои бывшие товарищи и ученики. Но никакой дополнительной информации получить не удалось. И уже этот факт может служить доказательством того, что террористический акт готовится достаточно тщательно, с участием профессионалов.

Я согласно кинула. Все-таки не совсем понятно, зачем меня позвали на эту лекцию с политической информацией? Я и так знаю, что самые лучшие возможности на Ближнем Востоке, да и вообще в мире, имеют израильские спецслужбы. А бывшие советские, теперь называемые российскими, все еще входят в пятерку лучших в мире. Наряду с американскими, английскими и китайскими.

Янки берут массовостью и деньгами, покупают любого чиновника, какого угодно профессионала, хорошо оплачивают информацию. Добавьте еще космическую разведку и возможности Агентства национальной безопасности, о работе которого так подробно и увлекательно поведал нам Сноуден, перебежавший в Москву.

Китайцы тоже берут массовостью. Этот народ раскидан по всему миру. К тому же европейскому чиновнику сложно понять нюансы их поведения. Не забывайте, что практически каждый китаец так или иначе служит своему государству, интересам своего народа.

И наконец, англичане, которые развивают свою разведку много лет, кажется, знают все секреты на Ближнем Востоке, хотя в последнее время скромно держатся в тени. Но у них

еще много своих тайных и явных агентов. В общем, страна Яна Флеминга умеет добывать информацию и распоряжаться ею.

Но это не относится к нашему разговору. Или уже?..

– Да, – словно читая мои мысли, медленно произнес Кафаров. – Все это имеет непосредственное отношение к нам и особенно к тебе.

Неужели он решил отправить своего сотрудника в Сирию? Или в Израиль проверить их сообщения? Нет, так примитивно меня не станут использовать. Посылать офицера из чужой страны в Израиль – все равно что оказаться в купальном костюме на дипломатическом приеме, где на тебя сразу обратят внимание. Арабы, граждане Израиля, еще могут хоть как-то собирать информацию. У остальных вообще нет ни единого шанса.

– В Москве считают, что угроза крупного террористического акта более чем очевидна, – продолжил Кафаров, тяжело поднялся из кресла и махнул рукой, показывая, чтобы я не вставала следом за ним.

Он сделал несколько шагов по комнате, поправил скремблер, закрепленный на оконной занавеске. Если кто-то захочет нас подслушать, ему это не удастся. Настолько все продумано.

Но Кафаров неожиданно резко повернулся ко мне и заявил:

– Из Москвы поступил запрос. Они просят помочь им проверить эту информацию. Сама понимаешь, насколько это важно для российских спецслужб. У них скоро намечается проведение чемпионата мира по футболу. Ты можешь представить, какое количество зрителей хлынет в Россию! А это соседнее с нами государство.

– Вы думаете, что русские не справятся? Они уже провели Олимпийские игры на высочайшем уровне, не допустили ни одного серьезного провала. Ни единого!..

– Олимпийские игры проходили в небольшом городе Сочи, – терпеливо напомнил Кафаров. – Проконтролировать безопасность там не так уж и сложно. Достаточно сделать несколько внешних линий проверки и наладить работу внутри. А вот чемпионат мира по футболу пройдет во многих российских городах, на огромной территории. При этом тысячи зрителей будут перемещаться по всей стране, самой большой в мире. Обеспечивать безопасность такого мероприятия – задача более чем сложная. Во много раз.

– Понимаю. Не нужно ничего больше говорить. Им нужны гарантии?

– «Полную гарантию может дать только страховой полис», – неожиданно пошутил полковник. – Так, кажется, говорил Остап Бендер главе акционерного общества «Геркулес». Но если серьезно, им нужно понять, кто, как и зачем собирается проводить этот грандиозный террористический акт.

– И чем я могу помочь? – все-таки не выдержав, спросила я.

В конце концов, меня зачем-то вызвали на эту странную беседу.

– Умиравший офицер сообщил, что основные события могут произойти во время летнего хаджа, – наконец-то сообщил Кафаров. – Именно в этом году хадж должен состояться летом. Миллионы паломников устремятся в Мекку.

– Ничего не понимаю, – честно призналась я. – Хадж совершается в Саудовской Аравии, которая находится за тысячи километров от России. Как это все связано друг с другом?

Полковник посмотрел на меня так, что я смутилась. Он способен одним только взглядом заставить вас почувствовать себя мелким и ничтожным существом, которое посмело выкнуть нечто невразумительное.

– У тебя больше нет вопросов? – на всякий случай уточнил Кафаров.

Я поняла, что мне лучше больше ничего не спрашивать, и просто молчала. Он удовлетворенно кивнул.

– Должен тебе напомнить, что противостояние на Ближнем Востоке длится уже не один десяток лет, – продолжил Микаил Алиевич менторским тоном преподавателя. – Конечно, израильтяне работают превосходно. Нужно отдать им должное. В арабских странах, окружающих

еврейское государство, не зря говорят, что каждый третий их гражданин – осведомитель Израиля, каждый второй – агент, а каждый первый – просто переодетый израильтянин. Знаешь, кто работал в разведке под видом женщины, которая была достаточно привлекательной для многих мужчин? – Не дожидаясь моего ответа, он сказал: – Генерал Эхуд Барак, бывший премьер-министр Израиля и нынешний министр обороны. Кстати, он некоторое время возглавлял и АМАН. Впечатляет?

– А вы сами не переодевались женщиной? – Честно говоря, я сама не понимала, как у меня вырвался такой вопрос.

Но он понравился моему шефу.

Полковник даже улыбнулся и ответил:

– В молодости переодевался. И тоже пользовался успехом у мужчин. Можешь мне поверить. Говорят, что я был очаровательной шатенкой. Но это в прошлом. Почему я тебе говорю об израильских спецслужбах? Всякое действие рождает противодействие. Конечно, за израильскими спецслужбами очень сложно угнаться. Они действуют более чем эффективно. Не говоря уже о том, что у них есть свои источники и осведомители практически во всех штабах и министерствах арабских государств. Но постоянные успехи израильских спецслужб породили достаточно мощное противодействие специально созданных структур «Хамас», «Хезболла», у палестинцев, сирийцев, египтян, иорданцев, иракцев, ливанцев и так далее по списку.

А это означает, что любой посторонний человек, который прибудет туда, окажется под особым контролем, в том числе спецслужб Саудовской Аравии и агентов остальных арабских государств. Именно поэтому там не может появиться посторонний человек. Все люди, прибывающие из России, будут находиться под круглосуточным присмотром. Ты понимаешь, что такая информация не может оставаться тайной для сотрудников арабских спецслужб. Значит, там будут следить абсолютно за всеми паломниками, прибывшими из России.

Я снова глупо кивнула, все еще не совсем понимая, что именно он хотел сказать.

– Тогда появилась идея послать туда человека из другого государства, желательно мусульманского. Он не будет привлекать к себе такого внимания и сумеет выяснить, кто из паломников может оказаться связным террористов. Теперь понимаешь? Этого связного будут пытаться вычислить сами израильтяне и, конечно, осведомители арабских спецслужб. Но наблюдатель из другой страны может остаться незамеченным. Особенно если это будет женщина.

Только в эту минуту я начала понимать, почему меня так неожиданно вызвали и о чем вообще шла речь. Я изумленно посмотрела на Микаила Алиевича. Он, как обычно, все читал в моих глазах и заранее знал, какой вопрос я собиралась ему задать.

– Да, – сказал полковник. – К нам поступил официальный запрос из Москвы. Это совместная операция наших спецслужб. Ее достаточно долго разрабатывали аналитики.

– И выбрали меня?

– Нет, – ответил полковник, глядя мне в глаза. – Тебя выбрал я. Это было мое предложение. Все совсем не так, как ты думаешь.

Интерлюдия

В этот дом на окраине Махачкалы они прибыли глубокой ночью. Внедорожник въехал во двор, ворота закрылись.

Только тогда из салона автомобиля медленно вылез пожилой человек, опирающийся на палку. Тяжело ступая, он вошел в дом, где его уже ждали. Мужчина, стоявший в дверях, был лет на десять моложе гостя, возраст которого давно перевалил за шестьдесят. Седые волосы и аккуратно подстриженная борода, усы. Чуть выше среднего роста, широкоплечий, кряжистый.

Гость был одет в белую рубашку без галстука, темный костюм. На голове широкая папаха. Высокого роста, достаточно подтянутый, несмотря на возраст. Почти лысый, с резкими чертами лица, тяжелым подбородком.

– Здравствуй, хаджи Рахман!

– Здравствуй, Гасым! – ответил гость, протягивая руку. – Или тебя нужно называть господином генералом?

– У нас обычно говорят «товарищ генерал», – поправил Гасым. – Хотя ты можешь называть меня как прежде. Мы ведь знакомы уже больше пятидесяти лет. Я был шестилетним мальчиком, когда твои родители приехали к нам домой, к моему отцу. Тебе тогда было тринадцать?..

– Четырнадцать, – поправил его хаджи Рахман. – Твой отец работал главным врачом поликлиники. Он меня тогда и спас. Мои родители всегда об этом помнили, говорили о золотых руках твоего отца, о его таланте врача. Мир его праху. Да упокоит Аллах его душу.

– Да упокоит Аллах души всех наших близких, – вежливо ответил генерал. – Пройдем к столу, хаджи, нам нужно переговорить.

– Это я уже понял. – Хаджи Рахман усмехнулся, шагнул к столу и опустился на стул. – Ты не стал бы меня искать просто так, тем более вызывать ночью в этот дом. Значит, у тебя действительно очень важное дело.

– Очень важное, хаджи, – подтвердил Гасым. – Поэтому мне нужно было срочно встретиться с тобой.

– Скажи, какая у тебя проблема, – предложил хаджи Рахман. – Я подумаю, как можно тебе помочь.

– Я слышал, что ты снова собираешься совершить хадж? – уточнил вместо ответа генерал.

– Твое ведомство опять занимается паломниками? – Хаджи криво усмехнулся. – Я думал, что вы уже давно не воюете с Аллахом. Или времена поменялись в очередной раз?

– Все течет, все меняется, хаджи. – Гасым улыбнулся. – Но не в этом случае. Наоборот. Чем дальше, тем больше люди тянутся в церкви и мечети. Хотя сейчас это превратилось скорее в модную показуху, перестало быть настоящей верой.

– Это ты хорошо сказал, – одобрительно заметил хаджи Рахман. – Сейчас религия превратилась в моду. Ваши генералы теперь ходят в мечети и церкви, показывая, какие они набожные. Не люблю смотреть, как бывшие коммунистические чиновники и офицеры госбезопасности громко молятся. Есть в этом что-то очень непорядочное. Скажи честно, ты тоже ходишь в мечеть?

– Не хожу, – признался генерал.

– Понятно, – кивнул хаджи Рахман. – Спасибо за честный ответ. Я бы все равно тебе не поверил. Помню, как ты был комсомольским лидером в нашем районе тридцать пять лет назад и яростно боролся с религиозными предрассудками. Так вы их тогда называли.

– А ты еще в те времена доказывал, что мы не правы, – вспомнил генерал. – Много лет с тех пор прошло, хаджи. Теперь нам нужна твоя помощь.

– Скажи сразу, что от меня требуется, – снова потребовал хаджи Рахман. – Если нечто недостойное, то я этого сделать не смогу. Если спрашиваешь про мой хадж, то он угоден Аллаху. Я отправляюсь в Мекку уже в четвертый раз, хотя достаточно сделать это хотя бы раз в жизни. Я счастливый человек!..

– Тебя там уже все знают, – согласился генерал. – Да и у нас в Дагестане тебя уважают даже те люди, которые стреляют в моих офицеров. Тебя все любят за честность и принципиальность.

– Не перехваляй, генерал, – попросил хаджи. – Когда такие слова говорит представитель твоего ведомства – это всегда немного пугает. Скажи наконец, зачем ты меня позвал.

– Хадж начнется в будущем месяце. Большую группу паломников должен возглавить такой уважаемый человек, как ты, который уже не раз бывал в Мекке.

– Да, все правильно. Из Дагестана туда отправятся семьдесят паломников. Я действительно буду помогать им на этом праведном пути.

– Вот об этом и идет речь, – заявил генерал. – Дело в том, что нам очень нужна твоя помощь.

– Какая помощь? – Гость нахмурился. – Хочешь, чтобы я был вашим осведомителем? Так называют стукачей, да? Тебе не кажется, что я слишком стар для того, чтобы изменять своим принципам в уже немолодые годы?

– Никто не просит тебя быть стукачом. – Гасым поморщился. – Откуда такое глубокое знание нашей агентурной работы? Или тебя уже пробовали завербовать?

– Конечно, пробовали. Но я всегда отказывал. Поэтому мне и не разрешили работать муллой. Вы ведь даже их назначали через райкомы партии и местные отделения КГБ.

– Тогда была такая система, – напомнил генерал. – Любой священник или раввин тоже утверждался компетентными органами. Тем более патриархи, католикосы, шейхи, главные раввины. Иначе им просто не позволили бы работать.

– Хотите возродить прежнюю систему? – Хаджи Рахман покачал головой. – Уже то, что я встречаюсь с тобой, меня сильно компрометирует. Или ты этого тоже не понимаешь? Хотя все знают, что мы знакомы много лет.

– Вот именно, – проворчал генерал. – Почти полвека. Поэтому никто тебе ничего не сможет сказать. А нам нужна только информация по членам твоей группы. Мы не можем сейчас заменить кого-то из паломников на нашего офицера, так как списки уже утверждены. Это будет более чем неправдоподобно, даже опасно для этого сотрудника. Но мы можем попросить такого уважаемого человека, как ты, немного помочь нам.

– В чем должна выражаться моя помощь? – поинтересовался хаджи Рахман. – Только учтите, что я не стану докладывать вам о наших разговорах или следить за их передвижениями в туалеты.

– Этого у тебя никто не просит. – Генерал улыбнулся. – Нам нужно только вычислить связного террористов, который наверняка отправится с тобой и попытается встретиться с кем-то из своих сообщников. К сожалению, мы не знаем, кто это будет и какую информацию он получит. Твоя задача – только обратить внимание на странное поведение кого-либо из паломников. Теперь понимаешь?

Гость молчал.

– В конце концов, люди совершают хадж, чтобы выполнить предписание Пророка и указания Корана, а не для совершения богомерзких дел, – осторожно напомнил Гасым. – Разве не так, уважаемый хаджи? Возможно, своей наблюдательностью ты спасешь сотни и тысячи жизней, – продолжил генерал. – Это уже не предположение, а больше чем уверенность. Твоя наблюдательность может уберечь этих людей от страшной беды.

– Каким образом? – наконец спросил хаджи Рахман.

– По нашим сведениям, в стране готовится какой-то крупный террористический акт. Нечто сродни тому, что произошло одиннадцатого сентября две тысячи первого года в Нью-

Йорке. Возможно, последствия будут еще хуже. Но мы пока ничего больше не знаем. Поэтому нам нужна твоя помощь, хаджи.

– Если даже я соглашусь, то не для того, чтобы помогать вам, моему ведомству и твоим офицерам. Я могу пойти на это только во имя спасения невиновных людей. На таких условиях я могу позволить себе информировать вас о странностях кого-либо из членов моей группы. Этого будет достаточно?

– Вполне, – ответил Гасым. – Спасибо, что ты согласился. Я был уверен, что ты сумеешь меня понять.

– Они знали, кого надо присылать, – возразил хаджи. – Я ведь должник вашей семьи. Тогда меня спасло мастерство твоего отца, который сделал мне успешную операцию. В твоём ведомстве сидят не самые глупые люди. Они знали, кого нужно позвать, чтобы я не смог отказать.

– Ты согласен?

– Только на тех условиях, о которых я говорил. Никаких дополнительных сведений не будет. Только интересующие вас подробности поведения кого-то из группы паломников. Если он действительно будет каким-то образом связан с террористами. А теперь поясни, почему вы так уверены, что среди людей, выполняющих свой долг перед Аллахом, будут еще и такие богохульники.

– Мы получили информацию. – Гасым не стал вдаваться в подробности. – Уверю тебя, что опасность более чем реальная. Ты ведь знаешь, что скоро у нас состоится чемпионат мира по футболу. Возможно, это событие и будет поводом для их выступления. Ничего более конкретного мы пока не знаем. Ты хочешь чай или кофе?

– Нет, спасибо, – вежливо поблагодарил гость. – Мне ничего не нужно. Я еще подумаю над твоим... вашим предложением. Но учти, что если я почувствую хотя бы малейший обман, то ни о каком сотрудничестве больше не может быть и речи.

– Согласен, – сразу ответил генерал. – Пусть это тебя не беспокоит. Может, ты все-таки выпьешь чаю?

– Поздно уже, – ответил хаджи Рахман. – Мне нужно будет совершить утренний намаз. Мы оба должны подумать над твоим предложением. Я понимаю, что не имею права никому говорить и ни с кем советоваться, но сегодня на утренней заре буду молиться и просить Аллаха разрешить мне подобное паломничество.

После отъезда гостя генерал вышел из дома и сел в другой внедорожник, который ждал его в глубине двора. За окнами было еще совсем темно, когда он подъехал к зданию республиканского ФСБ и прошел в кабинет начальника управления. Именно отсюда он позвонил по закрытой связи в Москву, чтобы переговорить с человеком, который тоже не спал в эту ночь.

– Все нормально, – доложил генерал своему московскому собеседнику. – Он согласился.

– Вы объяснили ему сложность ситуации? – последовал уточняющий вопрос.

– Он достаточно разумный человек, чтобы все понимать правильно, – сообщил Гасым.

– Это под вашу ответственность, – строго напомнил человек из Москвы. – Операция более чем сложная. Я не думал, что он согласится.

– А я был уверен в нем. Я знаю его с детства. Он искренне верит в Бога, а такие люди не могут оставаться безучастными к массовому убийству.

– Мне бы вашу уверенность. Посмотрим. И все-таки не забывайте о своей личной ответственности.

– Разумеется. Я помню. Но наши аналитики просчитали все возможности и решили, что это оптимальный вариант.

Больше не было произнесено ни слова. Собеседники понимали, что даже по закрытой и зашифрованной линии связи лучше не называть никаких имен и не говорить ничего, что может указать на возможный источник информации.

Глава 2

Кафаров говорил о сложности операции, а я думала о предстоящем визите в Мекку. Никогда не предполагала, что смогу оказаться в числе избранных и совершить хадж. Все-таки родители у меня азербайджанцы, мусульмане. В начале прошлого века мой дед даже сумел совершить паломничество в Мешхед и Исфахан.

В нашей республике большинство мусульман – шииты. Они чаще всего отправлялись именно в Мешхед и получали почетный титул «мешади». В этом святом городе был похоронен восьмой имам Реза.

Затем благочестивому мусульманину следовало отправиться в Кербелу, где находились мечети имама Али и его сына Хусейна. Зять и внук Пророка приняли мученическую смерть и были погребены в этих мечетях.

Култ имама Али и его сына Хусейна был особо почитаем у шиитов. Они считали их подлинными праведниками, которые имели право претендовать на лидерство по своему происхождению. Человек, совершивший паломничество в эти места, становился «кербелаи».

Высшая форма паломничества была в Мекку. Люди, побывавшие там, получали почетное звание «хаджи».

Учтите, что совершать паломничество в Мекку для шиитов было достаточно сложно. Ведь в Саудовской Аравии был центр суннитов, которые не признавали и не любили шиитов, хотя они составляли около десяти процентов населения этой страны. Но во имя сохранения единства мусульманской религии к хаджу допускали представителей Ирана, Азербайджана, Ирака, Бахрейна, частично Пакистана, Ливана, Афганистана, то есть приверженцев шиитского направления.

Теперь я должна была отправиться в это паломничество. С одной стороны, это задание представлялось мне очень сложным, с другой – безумно интересным.

Кафаров словно в который раз прочитал мои мысли.

– Тебе, конечно, очень хочется туда попасть, – удовлетворенно произнес Микаил Алиевич. – Но ты колеблешься, не знаешь, как нужно будет себя вести. Но ты не беспокойся. Мы позвонили в Духовное управление мусульман. Тебе на самом высоком уровне объяснят, как следует себя вести женщине, совершающей хадж.

– Спасибо.

– Не за что. Учти, что на тебя будет работать твой настоящий дедушка, которого в Баку знали многие. Поможет и работа в институте литературы. У нас самые набожные люди – ученые и писатели. Поэтому все совпадает. Тем более внучка такого человека. Ты будешь вне всяких подозрений.

– Сколько паломников будет от Азербайджана? – уточнила я.

– Много. У каждой страны есть свой лимит. Из Баку поедут сорок два человека. Сначала полетите в Стамбул, оттуда в Джидду и уже затем на автобусах в Мекку. Раньше было гораздо проще. Ехали через Ирак или Сирию. Но сейчас эти пути для нас закрыты. В обеих странах идут войны. Поэтому все наши паломники поедут через Стамбул. Деньги за авиационные билеты и проживание в двухзвездочной гостинице люди уже перечисляют в Духовное управление мусульман, которое помогает совершать хадж, – пояснил Микаил Алиевич.

– Там не будет никого, кроме меня? Я имею в виду представителей нашей солидной организации.

– Ты должна рассчитывать только на себя, – строго произнес полковник. – Хотя сейчас рассматриваются возможные варианты. Мы постараемся найти подходящего человека среди паломников, который может быть твоим помощником. Для особых случаев и в качестве охраны. Но у нас строгие ограничения, так как группа уже сформирована.

– Мужчина или женщина?

– Какая разница? – Кафаров пожал плечами. – Наличие такой персоны совсем необязательно. В конце концов, ты кадровый офицер, а не случайный наблюдатель, который оказывает нам услуги. Было бы идеально иметь своих осведомителей в каждой стране, но пока это нереально. Американцы стараются находить нужных людей по всему миру и не жалеют на их вербовку никаких средств. Но у нас, во-первых, нет таких денег, а во-вторых – амбиций. Мы небольшое государство со своими региональными интересами. Сотрудничество с российскими или американскими спецслужбами представляется нам особенно перспективным. Как и в прошлый раз с израильтянами.

Он говорил о тех временах, когда мы работали с различными партнерами, чтобы обеспечить безопасность конкурса «Евровидение» в Баку.

Я не удержалась и спросила:

– Видимо, речь идет не только о размерах государства? У израильских спецслужб наверняка есть свои люди повсюду, в том числе и в Саудовской Аравии.

– У них огромные возможности. – Михаил Алиевич улыбнулся. – В израильских спецслужбах есть даже такое понятие «сайаним». Это еврей, который сохраняет лояльность своему государству, гражданином которого он является. Но такой человек оказывает посильные услуги израильской разведке не в ущерб интересам своей страны. Это оговорено специальным законом. «Сайанимом» может быть только чистокровный еврей, симпатизирующий Государству Израиль. Такая забавная формулировка. Можешь представить, какая у них агентурная сеть? У нас такого нет, хотя в Иране и проживают миллионы наших соотечественников. Но в любом случае нам до израильских спецслужб очень далеко. Хотя я уверен, что во время выполнения задания будет еще много различных дополнительных проверок. Нельзя идеализировать даже израильские спецслужбы.

– Думаете, что у них могут быть предатели, работающие на чужие разведки? – иронично спросила я.

Представить себе еврейского разведчика или военнослужащего Израиля, работающего на арабские страны, практически невозможно.

Но Кафаров легко сломал мои стереотипы.

– Представь себе, что подобные случаи были и в Израиле, – спокойно сказал он. – Несколько лет назад арестовали главу местного самоуправления деревни Фасута в Галилее, который работал на иранскую разведку. Его звали Джирис Джирис. Он даже баллотировался в депутаты кнессета, куда его пытались протолкнуть иранцы. Хотя нужно сказать, что этот человек по национальности был палестинским арабом, хотя и гражданином Израиля. А вот другой случай особенно показателен. В сентябре две тысячи второго года были арестованы одиннадцать израильтян, которых возглавлял аж подполковник тамошней армии. Они передавали военные карты и планы ливанской организации «Хезболла», которая платила им достаточно хорошие деньги. Можешь себе представить, что эти ребята получали по сто тысяч долларов за свое предательство?! Еще в восемьдесят третьем был арестован Маркус Клигберг, агент КГБ, работающий против Израиля. Примеров сколько угодно. Люди везде одинаковые, даже в Израиле.

Я согласно кивнула головой. Конечно, он прав. Предатели и прохвосты встречаются где угодно. Даже среди таких умных людей, как евреи.

– Ты должна в первую очередь присмотреться к российским паломникам, – сказал Михаил Алиевич. – Надо постараться просчитать, кто из них и когда войдет в контакт с представителями террористов. Конечно, российские спецслужбы организуют и собственные проверки, о которых они не обязаны нам докладывать. Я уверен, что они найдут способы контролировать своих паломников. Риск слишком велик. Мы только знаем, что угроза возможного террористического акта так или иначе будет связана с кем-то из этих людей. Это не просто

предположение, а подтвержденная агентурная информация. В любом случае твоя миссия будет особенно важной. У тебя есть еще вопросы?

– Хочу предупредить, что я совсем не знаю, как следует себя вести во время паломничества.

– Тебя научат. Мы уже говорили об этом.

– И еще я агностик, – на всякий случай сообщила я Кафарову, хотя раньше считала себя почти убежденным атеистом.

– Как будто я этого не знаю. – Полковник усмехнулся. – Но меня интересуют не твои религиозные взгляды, а подготовка и аналитические способности. И еще. Мужу можешь сообщить, что отправляешься паломницей в Мекку, если он будет с тобой говорить. Но вся прочая информация должна остаться абсолютно закрытой.

– А разве можно молодой женщине совершать хадж в одиночку? – поинтересовалась я уже по привычке.

Но именно этот вопрос вдруг оказался самым главным.

– Нельзя, – неожиданно сказал полковник. – Молодая женщина не имеет права одна отправляться в поездку. Рядом обязательно должен быть мужчина. В идеале с тобой нужно послать твоего мужа. Но это будет слишком явно. Кому угодно станет понятно, что сотрудник Министерства национальной безопасности едет туда не просто так. Поэтому отправлять тебя вместе с Арифом никак невозможно. Твоя миссия должна быть абсолютной тайной для всех.

– Тогда каким образом я могу ехать?

– В исламе это называется «махрам». Рядом с тобой должен быть мужчина, который за тебя отвечает. Но такой, за которого ты не можешь выйти замуж.

– Слава богу, у меня есть муж, – попыталась я пошутить.

– Ты не поняла, – стал терпеливо пояснять Кафаров. – Женщина до сорока пяти лет может отправиться в хадж только в сопровождении мужчины. Мужа либо человека, который ни при каких обстоятельствах не может стать таковым или просто твоим интимным другом. Это абсолютно запрещено.

Я всегда считала себя достаточно симпатичной женщиной. Интересно, где они найдут мужчину, который не захочет стать моим другом? Может, мне сделать пластическую операцию, нарастить нос, заштриховать брови в одну сплошную черту, посадить на лицо несколько бородавок и оттопырить уши? Все это я, конечно, не говорила полковнику. Мне было интересно, что скажет он.

– Ты не можешь поехать одна, – терпеливо продолжал Микаил Алиевич. – Как и с мужем, именно из-за его профессии.

– Вы дадите кого-то вместо мужа?

– Конечно, нет. Это будет проявлением столь явного неуважения к хаджу и к мусульманским святыням, что даже мы, изрядные циники, не решимся на подобный шаг. Если обнаружится, что вы солгали, то наказание будет достаточно суровым.

– Тогда с кем я могу туда поехать?

– Со своим старшим братом Расулом, – неожиданно заявил Кафаров. – Мы уже с ним говорили. Он человек достаточно набожный, ходит в мечеть, держит пост. Расул согласился отправиться с тобой в Мекку.

– Понятно. Вы нашли человека, за которого я не могу выйти замуж, моего родного брата. Прекрасный выбор. Он действительно держит пост и вообще верующий человек. Расул сейчас ведущий специалист в архитектурном управлении.

– Он с тобой и поедет, – сказал в заключение полковник. – Таким вот образом мы сможем соблюсти все полагающиеся правила. Это единственный мужчина, который может сопровождать тебя.

На этом разговор закончился. Я приехала домой с чувством какого-то непонятного волнения. Почему именно мне поручают такое сложное задание? Только потому, что наш Микаил Алиевич считает меня лучшим офицером в его группе?

Лучше бы считал худшим! В этом случае я осталась бы со своей дочерью и мужем, никуда бы не поехала и вообще прекрасно провела бы летний отпуск. А теперь я должна буду в пятидесятиградусную жару отправляться в Мекку.

Хотя говорят, что подобные страдания даже угодны Аллаху. Через преодоление и трудности к обретению веры. Если даже я погибну во время хаджа, то это будет прекрасная смерть. Я сразу попаду в рай. Хотя не думаю, что это обрадует мою старую маму и дочь.

Мне сложно было разобраться в собственных чувствах. Я легла на диван, пытаюсь понять, что именно со мной происходит. С одной стороны, это задание моего руководства, и я обязана его выполнять. С другой – это не просто задание.

Я впервые в жизни совершу хадж, попаду в те места, о которых даже не мечтала. Это мне не только интересно. Признаюсь, что я хочу поехать в Мекку. Неужели я так религиозна? Никогда бы о себе такого не подумала.

Или сказывается моя национальная и религиозная принадлежность? Ведь нельзя просто так объявить себя агностиком или атеистом. Мальчикам-мусульманам совершают обрезание, независимо от религиозных убеждений их родителей.

Нас хоронят по строго установленному ритуалу, независимо от занимаемых должностей. Тела обязательно обмывают в мечетях, а затем заворачивают в белые саваны и бережно опускают в могилы.

Так недавно хоронили бывшего первого секретаря горкома партии, убежденного коммуниста, атеиста и борца с религией. Но его дети настояли на подобной процедуре похорон, и все согласились с их желанием.

На Курбан-байрам люди режут баранов и раздают мясо нуждающимся и соседям. Даже если они не посещают мечетей и не умеют молиться. Одним словом, быт и окружающая среда очень зримо накладывают на вас свой отпечаток, даже вне зависимости от вашего желания.

Может, поэтому я испытываю такое волнение от одной мысли о том, что сумею отправиться в Мекку? Каждый мусульманин обязан совершить хадж.

Или какая-то подсознательная вера все-таки сидит где-то в самой глубине моей души? Ведь бабушка в детстве несколько раз водила меня в мечеть.

А потом я узнала историю сына Саддама Хусейна, которая произошла в действительности. В Ираке большинство населения – шииты, которые не очень любили суннитское окружение недавнего правителя Ирака. А он, в свою очередь, не доверял большей половине своего народа, исповедовавшей шиизм.

Во время затяжной и изнурительной войны с Ираном шиитские мечети в Ираке несколько раз подвергались нападениям. Конечно, там еще не было такой войны между шиитами и суннитами, которая началась после прихода американцев. Вдобавок в драку вмешались курды. Саддаму удавалось как-то держать всех в узде, чего явно не получилось у американцев. Но вернусь к тому, о чем вспомнила.

Во время очередных волнений шиитов к мечети имама Хусейна на танке подъехал сын Саддама – Кемаль Хусейн. Он громко крикнул, что тоже является Хусейном. Мол, теперь посмотрим, кто сильнее – внук Пророка, убитый полторы тысячи лет назад, или он, сын диктатора. Кемаль приказал выстрелить из танка по мечети. Люди были оскорблены и напуганы этим святотатством.

Через четыре месяца этот зарвавшийся дегенерат приполз на коленях к мечети, моля о прощении. Врачи обнаружили у него неоперабельный рак головного мозга. Вот и не верь после этого в религию.

И вообще, кто дал ему право оскорблять миллионы верующих, стреляя из танка по мечети?! Есть в этом не просто вызов людям и Богу, но и нарушение неких основополагающих принципов поведения человека в обществе. Глумление над религией должно обязательно наказываться! И не в загробной жизни, а в реальной, земной.

В общем, я думала об этом часа полтора, пока домой не приехал Ариф. Сегодня дочь оставалась у мамы, и мне было легче собраться с мыслями. Я подогрела ужин, накрыла стол, нарезала хлеб и только тогда сообразила, что весь день ничего не ела.

Еще я вспомнила, что сегодня выходной день. Ариф не обязан был сидеть на работе. Но он вернулся очень поздно, привычно поцеловал меня и молча сел за стол ужинать.

Он ничего не спросил. А ведь я ему сказала, что меня срочно вызвал Микаил Алиевич. Мой муж раньше работал под руководством полковника Кафарова и должен был понимать, что тот не дергает своих офицеров по пустякам в выходные дни. Тем более женщин, у которых есть дети.

Но Ариф молчал. Чем дольше это продолжалось, тем больше я нервничала, уже понимая, что его молчание означает нечто большее, чем простое невнимание.

Наконец он закончил есть, взглянул на меня и осведомился:

– Давно приехала?

– Давно, – сказала я даже с некоторым вызовом.

Мне было обидно его затянувшееся молчание. Хотя он вообще по натуре человек немногословный.

– Встречалась с Кафаровым? – Он не спрашивал, а уточнял.

Я ведь сама сообщила ему о вызове полковника.

– Встречалась, – кивнула я.

Он отодвинул тарелку и посмотрел на меня. Я собрала столовые приборы, положила все в мойку и почувствовала на затылке его взгляд.

Почему он молчит, ничего не спрашивает? Ведь не мальчик и не глупый человек. Ариф должен понимать, что такой срочный вызов был связан с каким-то конкретным и очень сложным заданием. Или ему неинтересно, о чем именно я говорила с полковником? Неужели мужу действительно все равно?

Я даже начала злиться, резко повернулась к нему и сразу наткнулась на понимающий и внимательный взгляд, который всегда меня успокаивает.

– Садись! – Ариф показал на соседний стул.

Мне нравится ему подчиняться, несмотря на мой сложный характер. В нем есть спокойная сила, которая и должна быть в настоящем мужчине. Я подошла к столу и уселась рядом.

– Меня позвали почти сразу, как только ты уехала, – начал Ариф. – Я понял, что этот звонок связан с твоим срочным вызовом.

– Очень интересно. И куда тебя позвали?

– Туда же, куда и тебя. К полковнику Кафарову.

Если бы он сказал, что его вызвали к шейху или к главному раввину, я удивилась бы куда меньше. Наш Микаил Алиевич все-таки горазд на сюрпризы. Сразу после разговора со мной он беседовал с моим мужем. Очень интересно, о чем они говорили?

– Что он тебе сказал?

– Сказал, что собирается поручить тебе важное задание, – ответил Ариф. – Полковник просил моего разрешения отправить тебя в срочную командировку. Учитывая, что мы оба с тобой офицеры, а он – твой непосредственный начальник, такой необычный вызов и просьба меня очень удивили. Если не сказать больше. Эта просьба меня испугала. Значит, командировка будет не просто сложной и опасной.

– Ты спросил его, куда он меня посылает?

– Нет. Он все равно не сказал бы. Я только спросил, насколько сложной будет твоя командировка.

– Что он ответил?

– Сказал, что не хочет меня обманывать, и добавил, что командировка будет достаточно проблемной. Так и выразился, дословно. А я знаю его не первый год. Это значит, что твоя поездка будет очень опасной.

– Ты дал разрешение? – поинтересовалась я.

– Я сказал, что настроен категорически против. Ты женщина, мать, супруга. У тебя есть и другие обязанности. Да и мама твоя в последнее время жалуется на сердце.

– Полковник согласился меня никуда не отправлять? – Кажется, я задала этот вопрос таким разочарованным голосом, что невольно выдала себя.

Ариф грустно усмехнулся, покачал головой.

– Он меня предупредил, что ты все равно не захочешь отказываться от этой командировки, и предложил самому поговорить с тобой. Поэтому Кафаров меня и позвал. Сказал, что оставляет право выбора за нами. А потом наконец-то рассказал, куда ты едешь. Еще пошутил, что отправляет тебя туда под надежным присмотром твоего старшего брата.

Старый хитрец!.. Он ведь прекрасно понимал, что я не захочу отказаться. Поэтому все рассказал моему мужу.

– Он сказал, что мы отправляемся в Мекку?

– Да. Но предупредил меня, что твой брат Расул о сути дела ничего не будет знать.

– Верно, – сказала я. – Все правильно. Я не имею права никому ничего рассказывать. Вы должны понимать это лучше других, господин подполковник.

– Перестань! – Ариф поморщился. – Скажи честно, ты хочешь туда отправиться? Не волнуйся, никакую тайну ты не выдаешь. Он сам разрешил мне с тобой побеседовать.

И мне тоже разрешил. Я вспомнила окончание разговора с полковником. Он ведь заранее все рассчитал, понимал, что этот разговор обязательно состоится. Поэтому разрешил сообщить Арифу о том, куда именно я должна уехать.

– Да, хочу. Ты ведь знаешь, что Расул – по-настоящему религиозный человек. А я его сестра и внучка своего деда. Может, мне действительно нужно совершить это паломничество, чтобы разобраться в самой себе? Как ты считаешь?

Ариф нахмурился. Он понимал, что все совсем не так просто, как может показаться на первый взгляд. Я не совсем тот офицер, которого обычно придают различным группам, выезжающим в зарубежные страны. Я слишком хорошо подготовлена для обычного сопровождения. Но муж больше ничего не спрашивает, ведь он тоже очень хорошо подготовленный офицер.

– И ты все продумала? – уточнил Ариф.

– Да. Я считаю, что это уникальный шанс, которого потом у меня не будет, – честно призналась я.

Больше мы об этом не говорили. Он ушел в комнату и включил телевизор.

Через несколько часов, когда мы уже лежали в постели, я почувствовала его руку. Муж мягко повернул меня к себе.

– Будь очень осторожна, – прошептал Ариф. – Кафаров не стал бы вызывать меня по пустякам. У тебя будет очень сложная командировка.

– Я буду со своим братом, – напомнила я ему.

– Зная вас обоих, я уверен, что это ты будешь следить за ним, а не он за тобой, – пошутил Ариф.

Муж поцеловал меня, и я почувствовала, как он волнуется. Вы не поверите, но подобные чувства только придают некоторый дополнительный импульс нашим отношениям.

Во всяком случае, в эту ночь мы почти не разговаривали, предпочитали общаться друг с другом несколько более традиционным для супругов способом. Так я и заснула в объятиях своего мужа. Я была почти счастлива, если бы могла не думать о предстоящей поездке.

Интерлюдия

Официальный адрес службы МОССАД в Тель-Авиве известен многим. Но на бульваре Шауль Ха-Мелех размещаются только отдел по связям и некоторые вспомогательные службы. Истинное место, где сидит руководство этой структуры, тщательно скрывается даже от граждан своей страны.

МОССАД считается политической разведкой Государства Израиль, хотя часто выполняет внешние задачи и следит за иностранной агентурой внутри своей страны. Кроме МОССАДа, в Израиле есть и общая служба безопасности – Шабак или Шин Бет. Она же занимается и внутренней контрразведкой, охраной должностных лиц и самолетов израильской авиакомпании.

Наряду с этими двумя организациями существует Управление военной разведки Израиля – АМАН. Оно очень похоже на Главное разведывательное управление Генштаба России.

Имена руководителей спецслужб Израиля являются секретом. Даже за обнародование их может последовать серьезное наказание, вплоть до уголовного.

Но и в самом Израиле немногие знали, что существует абсолютно секретный комитет «Вараш», в который входят только руководители спецслужб. Его возглавляет лично премьер-министр. На заседаниях комитета могут появляться только министры финансов и иностранных дел. Их приглашают туда только в исключительных случаях.

Заседания с участием премьер-министра и четверых руководителей спецслужб никогда не проходят в резиденции кого-либо из них или в каком-нибудь официальном офисе. Только на конспиративных квартирах, в таких местах, где собравшихся не могут увидеть посторонние люди.

Ни один человек не может заранее знать о заседании комитета «Вараш». Решение о встрече принимает лично премьер-министр. Они каждый раз проводятся в разных местах и в другое время суток. Всем четверым руководителям спецслужб Израиля, которые входят в состав «Вараша», высылаются абсолютно засекреченные сообщения о времени и месте совещания. Заранее знать о встрече и назначать время может только премьер-министр. Он не говорит об этом даже со своими самыми близкими советниками, что исключает любую возможность утечки информации.

Каждый член комитета «Вараш» выбирал собственный маршрут для прибытия на заседание. Оно было настолько засекречено, что о нем не знали даже офицеры «Сайерет Маткаль», особого подразделения, выполняющего самые тайные задания.

Первым на встречу в эту квартиру прибыл Тамир Пардо, руководитель МОССАДа. Он оставил машину в соседнем квартале, прошел пешком до нужного дома, поднялся на второй этаж и открыл дверь своим ключом.

Следом за ним, с разницей в несколько минут, приехал генерал-майор Авив Кохави, руководитель управления военной разведки. За рулем сидела его сотрудница. Со стороны они выглядели как обычная семейная пара. Кохави даже поцеловал на прощание свою спутницу и вышел из автомобиля.

Еще через несколько минут подошел другой человек. Он торопился, в руках у него был пакет с продуктами. Было понятно, что этот мужчина торопится домой. Но на самом деле пакет с продуктами был нужен для обычного прикрытия. Это был Йорам Коэн, руководитель службы Шабак, который также поднялся на второй этаж.

Все трое знали друг друга в лицо. Им было известно, что заседания «Вараша» проводятся только в исключительных случаях. Ведь именно в такие моменты со всеми руководителями спецслужб Израиля можно покончить одним ударом. Но для этого среди названных персон должен был появиться предатель.

В Израиле хорошо знали, что не бывает ничего невозможного. Поэтому даже на заседание «Вараша» все высокие особы приходили вооруженными.

Последним появился мужчина в штатском. Он припарковал машину у соседнего дома. В отличие от трех руководителей, появившихся до него, этот человек был официальным лицом и слишком часто появлялся на экранах телевизоров. Генеральный инспектор полиции Йоханан Данино был загримирован. Прежде чем войти в квартиру, он произнес условную фразу. Таков был порядок.

Теперь участникам заседания оставалось ждать. Еще через двадцать минут к дому подъехал небольшой автобус, ничем вроде бы не примечательный. Если не знать, что он был бронированным. В нем на встречу прибыл сам премьер-министр Израиля Беньямин Натаньяху. Он вышел из автобуса и в сопровождении личного охранника быстро поднялся на второй этаж.

Телохранитель остался на лестнице. Он не знал, кто именно ждет премьера и зачем они приехали в этот дом.

Ради справедливости стоит отметить, что в двух соседних кварталах дежурили сотрудники «Сайерет Маткаль», которым не было известно о заседании «Вараша». Такая мера предосторожности была не лишней.

Эти пятеро располагали сведениями, за которые любое государство выплатило бы какие угодно деньги. Но захватить их было бы делом почти невозможным. В Израиле не назначают случайных людей на подобные должности.

Премьер вошел в квартиру, пожал руки всем четверым, шагнул к столу, уселся и строго оглядел присутствующих. Натаньяху не был обычным политическим деятелем. Таких в Израиле вообще практически не водилось.

Каждый руководитель страны был по-своему выдающимся человеком, отдававшим своей родине все силы и умения. Такими являлись Рабин, Перес, Шарон и все остальные.

Незаурядным военным и политическим деятелем был Эхуд Барак. В начале семидесятых он возглавлял подразделение «Сайерет Маткаль», а затем лично планировал многие секретные операции израильских спецслужб.

Сам Натаньяху тоже служил в «Сайерет Маткаль» и дважды был ранен. Его старший брат Йонатан Натаньяху стал национальным героем. Именно он возглавил операцию по освобождению израильских заложников в Энтеббе, близ столицы Уганды, и погиб во время выполнения этого опасного задания.

Тогда, в семьдесят шестом году, террористы захватили самолет авиакомпании «Эр Франс», среди пассажиров которого было много граждан Израиля, и посадили его в Энтеббе. Израильский спецназ прибыл в Уганду, провел молниеносную операцию, освободил заложников и потерял только своего командира. Тело подполковника Йонатана Натаньяху привезли в Израиль и торжественно захоронили.

Старший брат премьера несколько раз уходил из армии. Он собирался учиться в Гарварде, но каждый раз, когда начиналось очередное военное противостояние, этот человек, верный своему гражданскому долгу, возвращался в Израиль. На его похоронах тогдашний министр обороны Шимон Перес сказал, что страна потеряла одного из лучших своих офицеров.

В Израиле справедливо считают, что граждане обязаны защищать свою страну. Любой человек, который пытается сделать политическую карьеру, просто обязан пройти службу в вооруженных силах.

– У нас мало времени, – сразу предупредил премьер. – Поэтому перейдем к делу. Сначала послушаем генерала Кохави, который сообщит нам о полученной информации.

Все посмотрели на руководителя АМАНа. Тот уже знал, о чем именно ему следует говорить и почему премьер собрал их так спешно.

– У нас появились сведения о самом крупном террористическом акте, который может произойти в ближайшее время, – заявил Кохави.

При его словах руководитель службы Шабак недовольно нахмурился. У него не было данных о возможном крупном террористическом акте в Израиле. Коэн не скрывал своего недовольства, даже недовольно заерзал и взглянул на главу МОССАДа, сидевшего рядом с ним. Тот был подозрительно спокоен.

– Теракт планируется не у нас, – пояснил вместо генерала сам премьер. – Поэтому я так срочно вас собрал.

Коэн еще раз недовольно заерзал. Это гораздо более приятная информация.

Их службы до сих пор обвиняли в том, что они не смогли предупредить американцев о террористических актах, совершенных одиннадцатого сентября. На самом деле израильтяне обращали внимание американцев на такую возможность, но те не придали этим сообщениям должного внимания.

ФБР и ЦРУ также не реагировали на поступающие сигналы. Американцам казалось невероятным, что два десятка террористов смогут захватить сразу несколько крупных самолетов и совершить такие неслыханные акты самоуничтожения. Людям, воспитанным в традициях евроатлантической культуры, наличие такого числа самоубийц казалось почти невероятным.

Поэтому любые сведения о возможных терактах теперь тщательно отслеживались и израильскими спецслужбами.

– Опять выпады против американцев? – поинтересовался Коэн.

– Нет. На этот раз объектом атаки выбрана Россия, – пояснил генерал Кохави.

Все пятеро молчали. Каждый понимал сложное положение самой большой страны мира. После присоединения Крыма российское руководство оказалось в достаточно сложном положении. Соединенные Штаты и европейские страны отказались от прежнего сотрудничества, в том числе и по линии спецслужб.

Однако Израиль сохранил свои связи с российскими спецслужбами. В самом Тель-Авиве слишком хорошо знали реальную ситуацию по Украине.

В результате народного недовольства там была свергнута прежняя власть. Но, как это часто бывает, революцию замыслили идеалисты, осуществляли фанатики, а плодами пользовались прохвосты. К массовому недовольству населения примкнули националисты и антисемиты, поднявшие знамя Бандеры.

Конечно, было бы большой глупостью считать всех недовольных украинцев фашистами и бандеровцами. Но среди тех, кто воспользовался плодами победы, оказались и персоны, не скрывавшие своего крайне негативного отношения к москалям и жидам.

Это обстоятельство сильно настораживало израильские спецслужбы.

– Продолжайте, – предложил Натаньяху.

– Сведения перепроверялись, – заявил генерал Кохави. – Теперь мы уверены в том, что террористический акт планируется осуществить в России, предположительно в Москве, во время чемпионата мира по футболу.

– Русские сумели справиться со всеми угрозами во время проведения зимних Олимпийских игр четырнадцатого года, – напомнил Данино. – Они тогда выстроили довольно эффективную трехслойную линию защиты. Наши офицеры потом знакомились с их наработками.

– Во время проведения Олимпийских игр там было задействовано около ста пятидесяти агентов различных американских спецслужб, – вмешался руководитель МОССАДа. – А сейчас они вряд ли появятся в Москве.

– Вы считаете, что без американцев русские не справятся? – уточнил Натаньяху.

– Янки выступали только в роли консультантов, – напомнил Тамир Пардо. – Конечно, русские справятся. Они борются против своих доморощенных террористов уже двадцать лет и наработали достаточно большой опыт. Хотя у них были и провалы.

– Олимпийские игры они провели на очень хорошем уровне, – напомнил генерал Кохави. – Но дело не в этом. С разрешения господина премьер-министра мы уже передали в Москву информацию о готовящемся крупном террористическом акте. Однако другие подробности нам пока неизвестны.

– Именно поэтому мы здесь собрались, – подвел итог премьер-министр. – По последним данным, в Москве живет около ста пятидесяти тысяч евреев, хотя официально их где-то шестьдесят тысяч. Но и это достаточно крупная цифра. Мы против подобных террористических актов не только у нас, но и в Москве, и в Нью-Йорке, и в Лондоне.

– Мы уже сотрудничаем с их ФСБ, – сообщил руководитель МОССАДа. – Но не получили согласия нашего комитета на проведение какой-либо совместной операции.

– Считайте, что получили, – мрачно проговорил премьер. – Меня настораживают слова генерала. Значит, готовится особо крупный террористический акт?

– Да, – кивнул Кохави. – У нас есть основания так полагать.

– Какие именно?

– Один из сотрудников посольства Саудовской Аравии, которого мы подозреваем в связях с террористами, несколько дней назад эвакуировал свою семью. Отправил на родину жену и четверых детей. Возможно, это чистое совпадение или же попытка защитить их от какой-то угрозы.

– Вы полагаете, что террористический акт может быть такой силы? – уточнил премьер. – Речь идет о контролируемом мощном взрыве?

– Возможен и такой вариант, – строго подтвердил Кохави. – Но мы исходим из самого худшего. Там может быть так называемая грязная бомба, начиненная отработанным плутонием.

Это была самая страшная опасность прежде всего для небольшого Израиля. Такая бомба могла уничтожить больше миллиона людей. Израильские спецслужбы понимали опасность попадания отработанного плутония в руки террористов.

– Разработку операции мы проводим, – доложил руководитель МОССАДа. – Но эвакуировать кого-то из евреев не имеем права. Сразу начнется паника. Да и журналисты будут задавать ненужные вопросы.

– Будет лучше, если все погибнут? – Генеральный инспектор полиции побагровел.

Он не очень любил разведчиков, как внешних, так и внутренних, считал, что они частенько перестраховываются в самых элементарных ситуациях, требующих простых решений.

– Будет лучше, если этот террористический акт не состоится, – ответил Кохави. – Но насчет взрыва бомбы с отработанными радиоактивными веществами я не очень уверен. Для этого требуется слишком много компонентов. В России налажен достаточно строгий контроль за подобными веществами.

– А если их разместят в самолете, чтобы использовать его как бомбу? – предположил Данино. – После американских террористических актов мы должны иметь в виду и такую опасность.

– Верно, – согласился генерал Кохави. – Но чужой самолет над Москвой появиться просто не сможет. Да и система контроля в аэропортах сейчас очень строгая. К тому же именно Москву прикрывает очень надежная противоракетная оборона, возможно, одна из лучших в мире. Даже если собственный самолет уклонится от своего маршрута, он обязательно будет сбит.

– Есть другие варианты? – поинтересовался премьер.

– Есть, – ответил руководитель службы безопасности Йорам Коэн. – В Москву могут привезти полоний. Достаточно разместить его на центральной станции метро, и гарантировано уничтожение сотни тысяч людей. Без всякой бомбы.

– Радиологическая защита в России поставлена на должном уровне, – напомнил руководитель МОССАДа. – Так просто полоний пронести не дадут. Во время чемпионата мира по футболу там наверняка будет проводиться самая строгая проверка.

– Тогда каким образом?.. – еще раз спросил премьер.

Все четверо молчали. Это были опытные профессионалы, которые не любили строить догадки в таких серьезных вопросах. Каждый из них привык опираться на конкретные факты, но таковых пока не было.

– Нужно все еще раз проверить и уточнить, каким образом будет проведен этот теракт, – сказал за всех руководитель МОССАДа Тамир Пардо.

Натаньяху опустил голову.

Премьер Израиля отвечает не только за граждан своей страны, но и за миллионы единоверцев, живущих по всему миру. Об этом помнит каждый политик в Тель-Авиве. Идея создания еврейского государства как раз и состояла в том, чтобы трагедия сороковых годов, когда были уничтожены шесть миллионов евреев, никогда не повторилась.

Сто пятьдесят тысяч евреев, живущих в Москве, – это очень много. Плюс еще около двенадцати миллионов горожан разных национальностей и вероисповеданий.

– Мы собрались, чтобы определить конкретный ход нашего сотрудничества, – напомнил премьер. – Я хочу услышать от вас конкретные предложения. Мы должны понять, каким образом может быть совершен этот крупный террористический акт. Если при всех линиях защиты он будет возможен в России, значит, мы не должны исключать вероятность того, что нечто подобное произойдет и в других местах, в том числе и у нас. – Он обвел глазами собравшихся и понял, что все они согласны с его позицией.

Глава 3

Вот уже второй месяц меня готовили к этому паломничеству. Я усердно учила правила поведения женщины во время хаджа и знакомилась со своими будущими спутниками. Конечно, пока только с их анкетами. Нельзя раньше времени себя обнаружить. Я не майор Кеклик Алиева, а всего лишь скромный сотрудник института литературы, которой выпала честь совершить хадж в благословенную Мекку вместе со своим старшим братом.

Из Баку поедут сорок два человека, плюс паломники из Гянджи и Нахичевани. А из многомиллионной России отправятся почти двенадцать тысяч мужчин и женщин. Это их лимит на сто сорок с лишним миллионов людей.

Мусульман там относительно немного, но едва ли не все они хотят совершить этот хадж, учитывая, что до девяносто первого года в Саудовскую Аравию невозможно было выехать. Тем более на паломничество. Из одного только Дагестана семьдесят человек.

Интересно, как можно в течение нескольких дней вычислить нужного человека среди тысячи паломников? Как это себе представляют наши умные командиры или великие аналитики в Москве? Неужели они не могут заранее проверить всех, кого отправляют в это паломничество?

Понимаю, что легче всего задержать всех и никуда не пускать. Наверное, в Советском Союзе так и сделали бы. А потом долго и кропотливо проверяли бы каждого, пытаясь найти возможного связного.

Но сейчас другие времена. Советского Союза давно уже нет.

Задержать столько паломников никак нельзя. Это вызовет настоящий вселенский скандал.

Значит, всех отпустят, а такой дурочке, как я, нужно будет попытаться вычислить возможного связного. Сделать это абсолютно нереально. Глупо надеяться на удачу.

Постепенно я начинала понимать, что меня отправляют как страховочный вариант. Конечно, я ничего не смогу сделать, кого-то вычислить. У меня будет слишком мало времени.

В Мекку отправятся несколько миллионов паломников. Мне не удастся даже подойти к российской делегации. Значит, меня посылают с другой целью. Но Кафаров не сообщал мне, для чего именно.

Я не могла у него спрашивать, но уже сейчас понимала, что на самом деле у меня будет совсем другое задание, о котором пока мне не говорили. Вычислить нужного им человека я не смогу ни при каких обстоятельствах.

А пока я готовилась. Это было даже интересно. Я читала Коран по-русски и по-азербайджански, запоминала молитвы на арабском и вообще изучала весь ритуал хаджа.

Это действительно очень любопытно. Полторы тысячи лет паломники со всего мира совершают хадж в святые места, невзирая на трудности и опасности, которые связаны с этим паломничеством. Ведь раньше не было ни самолетов, ни автомобилей. Люди со всего мира отправлялись в Мекку, чтобы выполнить предначертания Пророка. Они часто рисковали жизнью, испытывали невероятные лишения, проходя с караванами верблюдов по пустыням и степям.

Согласитесь, в этом есть нечто возвышающее. Такая вера и убежденность в своей правоте. Полторы тысячи лет!.. Миллионы людей по-прежнему верят в своего Аллаха, совершают этот благословенный ритуал.

Чем глубже я вникала в смысл богословских рассуждений, тем лучше осознавала, на чем зиждется вера. Людям нужен Бог, который придает смысл их существованию.

Иначе все напрасно. В противном случае придется поверить, что твое рождение на свет является лишь первым шагом к смерти, концу и полному разрушению. Все твои порывы, стра-

сти, чувства кажутся такими ничтожными и наивными перед лицом вечности, в которой все мы пребываем. Поневоле задумаешься и придешь к выводу, что любая жизнь просто ничтожна. Только существование Бога придает нашему бытию некий смысл.

Никогда не думала, что начну размышлять подобным образом. Ведь я была убежденным атеистом по натуре. Сейчас больше агностик. Возможно, из хаджа я вернусь другим человеком, стану по-настоящему верующей. Может, в этом смысл тех страданий, которым подвергается паломник на пути к осмыслению своего Бога?

Кажется, Кафаров начал догадываться, о чем я думала. Это совсем неудивительно. Ведь теперь я почти ежедневно ходила в мечеть, покрывала голову платком и вообще стала немного другой. На меня даже начали обращать внимание на работе, хотя в нашем институте и вообще в академии много женщин, которые ходят точно так же.

В этом, наверное, тоже есть какой-то невероятный парадокс. С одной стороны, эти дамы работают в системе Академии наук и должны верить в прогресс человечества. С другой – они ходят в платках и больше надеются на внеземные силы, чем на мощь науки.

В качестве наставника мне назначили декана факультета исламоведения из Бакинского университета. Этот человек прекрасно владел арабским языком. Он вполне доступно объяснил мне многие аспекты ислама. Его перевод Корана на азербайджанский язык считается одним из лучших.

Меня все время беспокоило, что женщина не имеет права одна совершать паломничество. Это запрещено в исламе. Более того, я узнала, что в посольствах Саудовской Аравии не выдают виз одиноким женщинам моложе сорока пяти лет.

Как бы я ни хотела, но без брата Расула меня туда не пустят. Нужно было видеть, как он искренне радовался этому паломничеству. Для него, верующего мусульманина, возможность посетить Мекку – это, наверное, одно из самых важных событий в жизни.

Должна сказать, что он обратился к Богу после карабахских событий. Тогда погиб наш старший брат Мансур. Сам Расул, принимавший участие в этих сражениях, вернулся оттуда другим человеком. Он был поражен жестокостью этой войны, таким диким противостоянием с нашими соседями.

У нас во дворе жили сразу четыре армянские семьи. Самым близким другом Расула в школе был Карен, который уехал со своей семьей после начала карабахских событий.

Мой брат узнал, что Карен воюет на другой стороне и даже стал достаточно известным политическим деятелем в Нагорном Карабахе. Это больше всего угнетало Расула. Ведь они были неразлучны с Кареном все десять лет, пока учились в школе. Страшно представить, что на войне им приходилось стрелять друг в друга.

Забыла сообщить, что кровный родственник имеет право сопровождать женщину любого возраста. Это отец, брат, сын. В этом случае понятно, что отношения между ними совсем иные, чем с посторонними мужчинами.

А вот с кузенами ездить нельзя. Ведь у нас считаются нормальными браки между двоюродными братьями и сестрами. Но мне кажется, что их нужно запретить. Ведь дети в таких вот семьях часто рождаются со страшными генетическими заболеваниями. Конечно, меня никто не послушает, а жаль. Это было бы правильно.

Недавно я услышала одну забавную сентенцию от одного из наших местных писателей. Он довольно популярен среди молодежи, пишет свои забавные истории. И вот несколько месяцев назад этот человек сказал, что «любая порядочная азербайджанская женщина должна на протяжении жизни иметь трех мужчин, любящих ее».

Можете себе представить, с каким негодованием восприняли эти слова наши ортодоксы. А он объяснил, что имел в виду «отца, любовь которого позволяет девочке расти под надежной защитой, охраняет ее в детстве, мужа, который делает ее жизнь счастливой в юности, и сына, которой будет ее опорой и радостью уже в зрелом возрасте».

В общем, я думаю, что он был прав, хотя сына у меня пока нет. Конечно, я очень хотела бы родить мальчика, похожего на моего мужа. Но в Дагестане случилась трагедия. Я случайно оказалась рядом с взорвавшимся автомобилем и потеряла сына, которого ждала тогда. Вспоминать об этом всегда очень больно.

Врачи сказали, что у меня больше не будет детей. Мой первый супруг, с которым мы и до этого жили не очень хорошо, сразу решил со мной развестись. Вот такой настоящий мужчина.

Я не говорила Ариффу, но недавно прошла обследование еще раз, принципиально решила родить мальчика, назло своему первому мужу и его подлой семье. Когда моя бывшая свекровь видит меня или кого-то из моих родных, она даже не здоровается с нами, как будто мы в чем-то перед ними виноваты.

Врачи мне откровенно сказали, что я не смогу больше рожать. Но можно извлечь яйцеклетку и пересадить эмбрион другой женщине. Суррогатная мать выносит нашего с Ариффом ребенка. Как только вернусь, еще раз поеду к врачам. Я очень хочу мальчика. И моя дочь тоже всегда мечтала иметь братика.

Но вообще-то я думаю, что этот писатель был абсолютно прав. Когда тебя обожают трое таких мужчин, охраняют своей любовью с момента рождения и до самой смерти – это самая большая удача. Счастливы женщины, имеющие рядом отца, мужа и сына.

Надо сказать, что у нас в Азербайджане пока не приняты такие роды. Дело не в медицине, а скорее в отношении к матери. Для нас это святое чувство. Мы не можем позволить себе иметь другую мать. Поэтому мне так сложно решиться на то, чтобы завести сына таким вот способом.

Еще я узнала о важности хаджа.

Любой исламский богослов может рассказать вам о том, как Пророка Мухаммеда спросили:

«Какое дело считается наилучшим для любого мусульманина?»

Он ответил:

«Вера в Аллаха и его Посланника».

Тогда его спросили во второй раз:

«А после этого?»

Он ответил: «Война на стороне Аллаха».

Тогда его спросили в третий раз:

«А после этого?»

Он ответил:

«Безупречный хадж».

Существуют пять основных столпов, на которых держится ислам.

Первый постулат нашей веры таков:

«Нет Бога, кроме Аллаха, и Мухаммед Его раб и посланник Аллаха».

Это утверждение известно всем.

Затем пятикратный намаз в течение дня, то есть молитвы, предписанные правоверным, соблюдение поста в месяц рамадан и совершение хаджа. Об этом обычно и говорят.

Но я узнала, что на самом деле мусульман обманывают. Есть пятый столп исламской веры, о котором так не любят вспоминать наши нувориши и священнослужители высокого ранга. Это обязанность богатых делиться с бедными. Так называемый закат, то есть милостыня.

Интересно, что в последние годы я не очень-то часто слышала об этом основном правиле исламской религии. Видимо, оно не очень нравится многим разжиревшим чиновникам.

Я узнала много нового, необычного для себя. Даже более того. Однажды речь зашла об основных религиозных течениях в мире. Я с большим изумлением услышала, что разделение Европы на Западную (условно говоря, римскую) и Восточную (византийско-греческую) было предопределено еще древнегреческими философами. Восточная Европа развивалась по Платону, а Западная – по Аристотелю.

Я поняла, что легче всего быть идиотом, который ничего не знает и не хочет знать. А как интересно изучать истории мировых религий и сознавать, что в них скрыта мудрость тысячелетий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.